

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.44

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ
КАК ИНДИКАТОР И ФАКТОР
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ
ЭМПИРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)¹**

Барков Федор Александрович

Кандидат социологических наук,
докторант Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: barkovfedor@gmail.com

Сериков Антон Владимирович

Кандидат социологических наук,
доцент Института социологии и регионо-
ведения Южного федерального универси-
тета, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: aserikov@inbox.ru

Статья посвящена анализу символической агрессии в межэтнической коммуникации – явления, связанного с нарушением ожиданий, обусловленных этноинституциональными нормами, и играющего значимую роль в определении уровня фоновой напря-

**SYMBOLIC AGGRESSION
AS AN INDICATOR
AND A FACTOR
OF INTERETHNIC TENSIONS
(ON THE MATERIALS
OF EMPIRICAL
RESEARCH)**

Barkov Fedor A.

Candidate of Sociological Sciences,
Doctoral Candidate of
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: barkovfedor@gmail.com

Serikov Anton V.

Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor of
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: aserikov@inbox.ru

In the article the authors analyze the symbolic aggression in the interethnic communication – a phenomenon, associated with the violation of expectations due to etnoinstitutional standards and interethnic interaction playing a significant role in determining the level of background ten-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Советом по грантам Президента РФ (№ МК-1154.2014.6).

женности межэтнического взаимодействия. Основываясь на методологических посылах концепции повседневного взаимодействия как основанного на проигрывании фоновых ожиданий (Г. Гарфинкель) и идей этноинституционализма, в статье рассматриваются примеры конструирования символической агрессии во взаимодействии представителей различных этносоциальных групп.

Ключевые слова: символическая агрессия, этносоциальная идентичность, этноинституты, стереотипы, повседневность.

sion. Based on the methodological assumptions of the concept of everyday interactions, based on the playing of the background expectations (Mr. Garfinkel), and the ideas of etnoinstitutionalism, the article provides the examples of constructing of symbolic aggression while the interaction of representatives of various ethnic and social groups.

Keywords: symbolic aggression ethnosocial identity, etnoinstitutions, stereotypes, daily life.

Среди всей совокупности социальных взаимодействий между представителями разных этнических групп особое место занимают такие, которые провоцируют напряженность, конфликт, сопряжены с недопониманием или даже агрессией. Последняя сегодня стала играть в межэтническом взаимодействии и коммуникации особую, если не определяющую роль – не по удельному весу в общем объеме взаимодействий, а по своим дискурсивным функциям и символическому значению, влиянию на формирование этнических стереотипов и установок на восприятие «этнически другого».

Абстрагируясь от крайних форм агрессии в межэтническом взаимодействии, связанных с насилием или экстремистскими взглядами, отметим важность особого ее вида, играющего достаточно важную роль в формировании общего баланса межэтнических отношений, в определении уровня межэтнической напряженности. Речь идет о символической агрессии – связанной как раз с умышленным или неумышленным нарушением ожиданий, фундированных комплексом этноинституциональных норм. В зарубежной научной литературе символическая агрессия выделяется как один из типов мягкой, непрямой (indirect) агрессии, которая видится ученым одним из инструментов утверждения индивидуального или группового доминирования [1].

В то же время о возрастающей роли символического аспекта этнической идентичности в современных условиях говорит целый ряд исследователей. Профессор Колумбийского университета Г.Дж. Ганс, не ставя под сомнение тезис о том, что идентичность не может существовать без групп, а символы – без культурного фундамента, говорит о том, что основой воспроизводства этнической идентичности в современном обществе является не столько какая-либо целостная культура или организации, сколько именно символический аспект [2]. Символическая агрессия имеет непосредственное отношение к процес-

сам категоризации и самокатегоризации в условиях поликультурности, интенсивного этноконтакта. Она является признаком незавершенности процесса социокультурной интеграции и выработки общеразделяемых норм [Зс. 22-23.].

На интересубъективном уровне символическая агрессия – это своеобразное «наступление» представителя одной этносоциальной группы на ценности и ожидания представителя другой этносоциальной группы, это не столько агрессия против конкретного индивида, сколько агрессия против определенного порядка, точнее. конкретной интерпретации данного порядка, наличествующей в сознании участника конфликтной ситуации.

Описанная гипотеза хорошо распредмечивается в рамках этнометодологического подхода Г. Гарфинкеля: если мы рассматриваем отдельно взятое взаимодействие двух индивидов, включенных в различные этноинституциональные поля (имеющих различную идентичность, представления о допустимом и недопустимом и т.п.), как некую повседневную сцену, то этой сцене всегда предшествуют некие фоновые ожидания, с помощью которых ситуация и становится социальной реальностью, «проигрывается», а также состыковываются деятельностные (или поведенческие) коды участников ситуации. Если ожидания участников от «сценария сцены» приблизительно соответствуют друг другу, все проходит более или менее рутинно, самой собой и как бы незаметно. Но в ряде случаев «обыденные сцены превращаются в заметные», обнаруживается несоответствие фоновых ожиданий участников сцены и ее реального протекания, «стандартизированные и стандартизирующие» признаки повседневного взаимодействия становятся нарушенными [7, с. 47-48].

Именно в этих случаях чаще всего действия представителя иной этнической группы воспринимаются как символически агрессивные, т. е. направленные на нарушение привычных схем взаимодействий, привычного порядка вещей. Именно подобного рода нарушения привычного, неререфлексируемого порядка дают почву для обвинений мигрантов, представителей этнических меньшинств, «гостей города, региона» в сознательном или несознательном несоблюдении неписаных социальных конвенций. Отметим при этом, что, несмотря на концептуальную схожесть, понятие символической агрессии в определенной степени оппонирует понятию установки в межэтническом взаимодействии [8, с. 285]. Будучи тесно связанной с механизмами воспроизводства этносоциальных стереотипов, рецепция символической агрессии, по нашему мнению, носит более широкий характер, поскольку отсыла-

ет как к конструированию социальности в ситуациях «лицом-к-лицу», так и к устойчивым этноинститутам, опосредующим сохранение и функционирование этносоциальной идентичности.

Разумеется, сразу возникает вопрос о характере указанных неписанных конвенций, их устойчивости и общезначимости. Проблема заключается в том, что подобные конвенции на самом деле находятся в процессе непрерывного конструирования и воспроизводства, что, собственно, и образует ткань повседневного взаимодействия, в том числе межэтнического. Социальные конвенции отчасти пересекаются с юридическими нормами, отчасти – с требованиями морального плана. Как показывает анализ эмпирических данных, интерпретация и тех и других может инструментально трансформироваться участниками взаимодействия в зависимости от силы этносоциальной идентичности и потенциала групповой сплоченности [6, с. 189].

Возрастанию функциональной роли символической агрессии в межэтнической коммуникации способствует целый ряд обстоятельств: конкуренция этногрупп в экономических нишах (в том числе теневой или серой экономике), формирование территориальных анклавов, анклавно-пограничных зон (и в сельской местности, и в мегаполисах), депривация этнического самосознания русских и усиление демонстрации этнических маркеров мигрантами в ответ на фрустрирующие условия, конкуренция этнических институтов за установление нормативного определения реальности [5, с. 144]. Очевидно, в этих условиях символическая агрессия становится не только следствием конфликта интерпретаций обыденных сцен, не только фактором их конструирования, но и инструментом борьбы за право определения конвенциональных правил в условиях полиэтничности.

Рассмотрим обозначенные выше тезисы на основе эмпирического материала, полученного в рамках исследования, проводившегося при участии авторов весной-летом 2015 г. в ряде регионов Юга России¹. Участниками фокус-групповых исследований стали девушки и юноши в возрасте от 16 до 25 лет, дискуссии проводились на базе вузов в городах постоянного проживания или временного пребывания по месту нахождения основного места обучения или работы респондентов. В целях обеспечения анонимности участников сведения, позволя-

---

¹ Приводятся выдержки из серии фокус-групповых интервью, проводившихся в Республике Адыгея, Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северная Осетия – Алания, Чеченской Республике, Ставропольском и Краснодарском краях в рамках проекта «Мир Кавказу».

ющие идентифицировать участника и регион проведения интервью, не приводятся.

Необходимо отметить, что значительная часть респондентов идентифицирует бытовую сферу, повседневность как основную для возникновения конфликтных ситуаций (за исключением представителей территорий, где имеется устойчивое латентное межэтническое противостояние). По нашему мнению, распространенность этого суждения подтверждает наличие амбивалентной установки на одновременную «этнизацию» и «деэтнизацию» ситуаций конфликта. Прежде всего, данный тезис характерен для действительно внешне нейтральных ситуаций, не связанных с религиозными или иными традициями, а скорее всего – с воспроизводством имеющихся негативных стереотипов по отношению к представителям иноэтнической группы.

Значительная часть участников фокус-групп указывала на несправедливое «застревание» тем сюжетов, связанных с плохим или осуждаемым поведением их земляков в медиа, преобладанием таких сюжетов в новостных сообщениях, что способствует формированию искаженного и негативного образа представителя той или иной этносоциальной или территориальной группы: «сколько не смотрю, замечаю, что убил... собаку и будет эта тема на весь мир известна и все будут помнить об этом, а убьёт... – об этом не узнает никто».

Подобное замечание подтверждает особую роль негативных сообщений СМИ о поведении представителей этнических меньшинств в поддержании этностереотипов [9, с. 92; 10, с. 311]. Вместе с тем распространение этностереотипов через СМИ является действительно важным, но не единственным каналом их трансляции [11]. На наш взгляд, восприятие неконвенционального поведения «этнически другого» как символически агрессивного лежит в основе потребности и самого механизма воспроизводства и трансляции этностереотипов.

Подтверждением этому является тот факт, что если ситуация межэтнического взаимодействия протекает без какой-либо формы агрессии, то она обычно не проблематизируется ни ее участниками, ни сообществами, ни обществом в целом. Если в ситуации межэтнического взаимодействия участниками фиксируются признаки агрессии, у такого события гораздо больше шансов получить огласку, быть транслированным в социальном окружении на уровне слухов, рассказов, стереотипов, наконец, выйти в информационное пространство сети Интернет или даже быть отображенным в сообщениях СМИ.

Однако необходимо обратить внимание на то, что ключевая фраза здесь: «Участниками фиксируются признаки агрессии». Иными сло-

вами, проблема агрессии в межэтническом взаимодействии – это во многом проблема социальных определений, интерпретации, а также взаимодействия этноинституциональных норм, образующих каркас допустимых и надлежащих моделей поведения в той или иной ситуации и тесно связанных со смысловым универсумом этнической и религиозной идентичности.

Необходимо отметить наличие определенной рефлексивной позиции по этому поводу среди ряда респондентов: «Мы не отрицаем, что не бывает дыма без огня. Мы даём повод так считать, мы вспыльчивые»; «Выезжая, чувствуешь себя как дома, делаешь, что хочешь, дерёшься с кем хочешь, поэтому справа налево... оскорбляют уже»; «Есть такие вещи, присущие другим национальностям, к которым они относятся как к обыденности, но эти вещи не вписываются в нашу жизнь. И если кто-то приедет, здесь никто не позволит этого делать. Но есть такие люди, которые могут выехать за пределы и могут это сделать там, и всё нормально для него, и после заявляет о своей правоте. Вот из-за них... не уживаются». Или: «Выезжая за пределы республики, человек теряет ограничения и чувствует свободу, забывая о местных порядках и обычаях того региона, где он находится. Что дает исполнение лезгинки на Красной площади? Это минус нам, по этому человеку судят о всей нации».

Еще одним характерным обстоятельством является противоречие между этнокультурой, предполагающей более или менее однозначную трактовку допустимого и недопустимого и соответствующую этой трактовке систему реакций на недопустимое поведение, и поливариантной модернизированной культурой «большого российского общества», отсутствием четко выраженного доминирующего этнокультурного образца в больших городах. Данное обстоятельство позволяет представителям этносоциальных групп с «плотным» этноинституциональным ядром, с одной стороны, говорить об отсутствии какого-либо образца «как вести себя правильно» в среде больших городов или даже в целом у русских, а с другой – не принимать допустимое в модернизированной культуре поведение как допустимое из-за его деэтнизированного статуса.

В соответствии с приведенными выше гипотезами можно выделить несколько ситуаций, связанных с проявлениями символической агрессии. Такие ситуации могут возникать в контексте дилемм определения приемлемости или неприемлемости: а) того или иного поведения (стрельба из оружия на свадьбах, танцы, громкая речь, интенсивная жестикуляция, какие-либо замечания, фразы, отношение к женщи-

нам и пожилым в общественном транспорте и пр.); б) внешних признаков (одежда, физическая форма, форма прически или бороды, прослушиваемая музыка и пр.) и др. Все эти признаки могут включаться в дискурс агрессивности и становиться маркерами этнической идентификации.

Пожалуй, самым простым и вместе с тем сложным случаем для рефлексии является речевая форма символической агрессии. Она может проявляться как в непривычности акцента, тона речи, так и в использовании определенных слов: «То, что для Кавказа нормально, для других считается ненормальным (в религиозно-культурном плане). Например, жесты или громкий разговор». Или: «Когда с нами разговаривают, мы ни одно слово не пропускаем, поэтому здесь за каждое слово приходится отвечать. Оттого наша речь более сдержанная и рассудительная. В речи мы проявляем уважение к любому человеку. А русская молодёжь чаще всего разговаривает как хочет, из-за этого возникают провокации».

В ряде случаев респонденты указывали на непосредственную речевую агрессию: «А кричать девушке в след нецензурные фразы... по поводу одежды, давайте не забывать, что мы живем в светском государстве». Как показывают наблюдения и проведенные интервью, будучи обращенными к представителям иной этнической группы, резкие замечания будут с большой вероятностью интерпретированы именно в контексте межэтнического противостояния с порождением и тиражированием соответствующих оценок: «Я недавно шла по городу в юбке, и отпускать комментарии людям другой национальности – это обязательно? Мне неприятно, а им это нормально».

Достаточно известным примером символической агрессии является стрельба из различных видов оружия во время свадебных празднований в крупных городах, где такое поведение является не только не общепринятым, но и пресекается в соответствии с законом правоохранительными органами. С точки зрения некоторых представителей региона, в котором подобное поведение является конвенционально принятым, санкции, применяемые к носителям данной традиции в других регионах, направлены на закрепление негативных характеристик этносоциальной принадлежности: «Я, может, буду неправа, но я скажу такую вещь. Вот наша традиция, свадьба, стрелять, да, вот это все делать. Традиция и сажать дагестанца за это в тюрьму, он просто соблюдает традицию, по которой так надо сделать, а сразу чуть что – дагестанец сделает – он виноват. И неважно, реально он дагестанец или нет. Они никого не убили, но при этом их посадили».

Отметим, что в описываемой ситуации практически не содержится ссылки на нарушение приемлемых или общепринятых для данного сообщества правил и норм поведения. Подобная ссылка приводится в аргументации другого участника дискуссии: «Ты говоришь, стреляют. Во-первых, я знаю, если я не ошибаюсь, по закону было предупреждение. Ты говоришь, что наши традиции. Вот у нас есть закон – зарезать барана. Давайте зарежем барана на Красной площади? Мы приезжаем туда, в Москву, я понимаю, это наша страна, и мы должны уважать традиции, и есть закон. Мы в первую очередь светское общество и мы живём по законам Российской Федерации. Если люди, которые стреляют или что-то в этом роде, пускай здесь стреляют».

В приведенной цитате говорится о необходимости соблюдения как общеустановленного закона, так и местных традиций, однако еще не указывается на возможный психологический или иной ущерб неконвенционального для жителей данной местности поведения.

Формы символической агрессии, связанные с внешним видом участников межэтнической коммуникации, касаются как собственно повседневно-бытовых вещей, так и элементов, относимых к атрибутам религиозной веры или минимально допустимого уровня этикета. Так, одним из факторов конструирования символической агрессии приезжающих в регионы Северного Кавказа является несоответствующая нормам традиционной культуры одежда: «Также у нас вы не увидите парней в шортах, а тем более девушек, их по возможности просим надевать юбки. Мы ценим и уважаем своих гостей, но лучше не нарушать наши обычаи, чтобы не провоцировать возможные конфликты. А кавказское гостеприимство у нас всегда на высшем уровне, поэтому не будем доставлять неудобство себе или нам. Если одежда будет неподобающей, то об этом точно скажут, и тогда гости это запоминают как враждебность, хотя мы их всегда предупреждаем, что это неуважение к нашей нации». Или: «Девушки должны скромно одеваться, эти мини-юбки не для наших девушек, они ухудшают наш уровень, как и женские штаны, которые развивают у девушек походку Пржевальского».

Сфера религиозной идентичности тесно соприкасается со сферой этносоциальной, поскольку религиозная принадлежность и обрядовый конформизм являются важными факторами групповой солидарности. Символический конфликт в сфере контакта религиозных идентичностей является очень тонкой материей, находящейся в поле как установившихся этносоциальных стереотипов, так и постоянного конструирования и воспроизводства идентификационных маркеров.

Характерным с этой точки зрения является ответ одного из участников фокус-группы: «Это реально тема, которая меня задевает. Я хотела арабский изучать, и в первые же дни мне сказали, что нужно одеть хиджаб... мне сказали такую фразу. Мне было реально обидно и это меня реально задевает по поводу того, что я русская, по поводу, что я такая-сякая». Видно, что требованием использовать определенный элемент одежды, который связывается в сознании участников ситуации с религиозной традицией, был нанесен непосредственный психологический урон, связанный с фрустрацией религиозной идентичности.

В другой ситуации было рассказано о том, какую негативную реакцию вызвала в общественном транспорте крупного областного центра одежда, полностью покрывающая лицо. Однако самим респондентом было указано, что дело не только в том, что «девушка не знала, что это не традиционная одежда для данной местности и необязательно закрывать все лицо», но и в общем психологическом контексте в тот конкретный момент, связанном с ощущением страха перед угрозой террористических атак со стороны исламистских радикалов и соответствующей произвольной стереотипизацией.

В то же время возможность носить ультраконсервативную религиозную одежду отстаивается с позиций права на сохранение собственной религиозной идентичности даже в иноэтничной среде: «Разрез глаз называется никабом, и девушка должна его надевать, если она слишком красива, если она может вызвать физическое влечение. И самая большая проблема в России из-за необразованности. Если бы люди больше знали о другой религии...»

Следующее высказывание повествует об эмоциональном давлении, испытываемом в ситуации восприятия окружающими каких-либо внешних признаков как символически агрессивных: «Ношение бороды – это сунна, это часть нашей религии, а в других регионах это стало модой. На панков и скинхедов смотрят не так косо, как на девушку в хиджабе. А парень с бородой, вы даже не представляете, насколько он может быть добрым, мухи не обидит, а в метро зайдешь, и половина вагона уже в другом конце».

Приведенное замечание является иллюстрацией самоощущения субъекта символической агрессии и подчеркивает глубину теоретических и методологических вопросов о природе этого явления. По нашему мнению, символическая агрессия в межкультурной коммуникации может носить как произвольный, так и непроизвольный характер. Однако важно, что в глазах воспринимающей стороны (объекта символической агрессии) это разделение очень часто не осуществляется.

Вероятно, восприятие того или иного поведения или атрибутов в контексте межэтнического взаимодействия как символически агрессивного связано как с фрустрацией или ригидностью собственной этносоциальной или этнорелигиозной идентичности (оба эти предиктора конструирования символической агрессии зачастую взаимосвязаны), так и с этноинституциональным фактором, поскольку этноинституты функционируют как понижатели трансакционных издержек для членов общности и как повышатели для представителей разных этнообщностей.

В целом же решающим фактором в запуске механизма интерпретации какого-либо действия как символически агрессивного являются ожидание той или иной модели поведения, связанное с собственным идентификационным комплексом, а также актуализация в хранящихся в памяти стратегий стереотипизации. Так или иначе, явления, связанные с символической агрессией, в значительной мере определяют уровень межэтнической напряженности, а подчас выступают непосредственными драйверами конфликтов, имеющих межэтническую составляющую [12, с.182-183].

Политика в сфере профилактики данного явления должна быть направлена, с одной стороны, на расширение набора ожидаемых моделей поведения в межэтническом взаимодействии, а с другой – на формирование и укрепление общепринятых ценностных образцов, в том числе и рецепторного плана, предписывающих трансформировать собственное поведение в иноэтнической среде [4]. Необходимо отметить и тот факт, что важнейшим фактором профилактики конструирования символической агрессии является снятие фрустрационных явлений в сфере воспроизводства идентичности той или иной этносоциальной группы.

Литература

1. Ramirez J.M., Andreu J.M. Aggression's Typologies // *Revue Internationale De Psychologie Sociale*. 2003. № 3. P. 129-235.
2. Gans H.J. Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. Vol. 2, № 1. P. 249-264.
3. Brewer M.B. Social Identity Complexity and Acceptance of Diversity // *The Psychology of Social and Cultural Diversity*. Ed. by R.J. Crisp. P. 11-33.
4. Барков Ф.А., Сериков А.В. Этноинсти-

References

1. Ramirez J.M., Andreu J.M. Aggression's Typologies // *Revue Internationale De Psychologie Sociale*. 2003. № 3. P. 129.
2. Gans H.J. Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. Vol. 2, № 1.
3. Brewer M.B. Social Identity Complexity and Acceptance of Diversity // *The Psychology of Social and Cultural Diversity*. Ed. by R.J. Crisp. P. 11-33.
4. Barkov F.A., Serikov A.V. Etnoinstitutional'nye faktory mezhetnicheskikh otnoshenij

туциональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 129–140.

5. *Бедрик А.В.* Этнические риски адаптации мигрантов в современном российском обществе // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2011. № 1. С. 143–148.

6. *Волков Ю.Г., Черноус В.В., Сериков А.В., Барков Ф.А.* и др. Ростовская область: двадцать лет реформ глазами жителей // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 182–201.

7. *Гарфинкель Г.* Исследования по этно-методологии. СПб., 2007. 335 с.

8. *Гуриева С.Д.* Установка и формирование системы межэтнических отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2009. № 6 (1). С. 282–291.

9. *Иссерс О.С., Рахимбергенова М.* Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 90–96.

10. *Шмелева Е.В.* Этнопсихологические установки журналистов (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2010. Вып. 1. С. 307–312.

11. *Ван Дейк Т.А.* Когнитивные модели этнических ситуаций / пер. с англ. Г.Е. Крейдлина // Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 161–190.

12. *Щеголькова Е.Ю.* Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи // Вестник Института социологии. 2011. № 2. С. 173–186.

v kontekste migracionnyh processov v Rostovskoy oblasti // Gumanitariy Yuga Rossii. 2014. № 3. S. 129–140.

5. *Bedrik A.V.* Etnicheskie riski adaptacii migrantov v sovremennom rossiyskom obshhestve // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. 2011. №1. S. 143–148.

6. *Volkov Yu.G., Chernous V.V., Serikov A.V., Barkov F.A.* i dr. Rostovskaya oblast': dvadcat' let reform glazami zhiteley // Gumanitariy Yuga Rossii. 2012. № 1. S. 182–201.

7. *Garfinkel' G.* Issledovaniya po yetnometodologii. SPb., 2007. 335 s.

8. *Gurieva S.D.* Ustanovka i formirovanie sistemy mezhyetnicheskikh otnosheniy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sociologiya. Psihologiya. Filosofiya. 2009. № 6 (1). S. 282–291.

9. *Issers O.S., Rahimbergenova M.* Yazykovye markery etnicheskoy ksenofobii (na materiale rossiyskoy pressy) // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 23. S. 90–96.

10. *Shmeleva E.V.* Etnopsihologicheskie ustanovki zhurnalistov (na primere Sankt-Peterburga) // Vestnik SPbGU. Seriya 12. 2010. Vyp. 1. S. 307–312.

11. *Van Deyk T.A.* Kognitivnye modeli etnicheskikh situaciy / per. s angl. G.E. Kreydlina // Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. Blagoveshhensk, 2000. S. 161–190.

12. *Schegol'kova E.Yu.* Mezhyetnicheskie vzaimodeystviya naseleniya Bol'shogo Sochi // Vestnik Instituta sociologii. 2011. № 2. S. 173–186.